

Отто Рюле

**Борьба с фашизмом начинается
с борьбы против большевизма**

Оглавление

1.	3
2.	4
3.	6
4.	8
5.	10
6.	12
7.	13

Текст, приведенный ниже, написан до начала второй мировой войны в 1939 г. В ту эпоху во всех без исключения индустриально развитых странах капитализм переживал сложную структурную перестройку, выражавшуюся в усилении роли государства, в росте его вмешательства в экономику, в тотальном проникновении государства во все сферы общественной жизни. Реальностью стал «тоталитаризм» — т.е. система в рамках которой все общественные процессы контролируются и управляются из единого центра — государства. В авангарде этого движения шли Советский Союз и фашистские страны. . .

Обращает на себя внимание так же то обстоятельство, что статья написана до подписания советско-германского «Пакта о ненападении». Тем не менее, Отто Рюле в этой работе практически предсказал заключение пакта.

1.

Россия должна быть поставлена на первое место в ряду новых тоталитарных государств. Она была первой, принявшей новый государственный принцип. Она продвинулась дальше всех в его применении. Она была первой страной, в которой была установлена конституционная диктатура вместе с сопутствующей ей системой политического и административного террора. Приняв все черты тотального государства, она послужила моделью для других стран. Россия стала примером для фашизма.

Это не случайность и не шутка истории. Копирование системы в этом случае — не видимость, а реальность. Все указывает на то, что мы имеем дело с проявлением и последствиями одних и тех же принципов, примененных на различных ступенях исторического и политического развития. Согласно с этим партийные «коммунисты», или нет, но факт остается фактом: государственный порядок и управление в России неотличимы от тех, какие существуют в Италии и Германии. В сущности, они одинаковы. Можно говорить о черном или коричневом «советском государстве» или о красном, черном или коричневом фашизме. Между этими странами существуют определенные идеологические различия, но идеология не первична. Кроме того, идеологии меняются, и такие изменения не обязательно отражают характер и функции государственного аппарата. Тот факт, что в Германии и Италии сохраняется частная собственность, является всего лишь модификацией вторичного значения. Отмена частной собственности сама по себе еще не служит гарантией социализма. При капитализме она тоже может быть ликвидирована. Действительно определяющими для социалистического общества являются, наряду с ликвидацией частной собственности на средства производства, контроль работников над продуктами своего труда и прекращение системы наемного труда. Оба этих условия не выполнены в России, впрочем, как и в Италии и Германии. Если кто-то утверждает, что Россия все же на шаг ближе к социализму, чем другие страны, то из этого отнюдь не следует, что их «советское

государство» помогло мировому пролетариату хоть как-то продвинуться вперед в осуществлении его целей классовой борьбы. Напротив, именно потому, что Россия называет себя социалистическим государством, она сбивает с пути и вводит в заблуждение рабочих всего мира. Вдумчивый рабочий знает, что такое фашизм и борется с ним, но, что касается России, он часто склонен принять миф о ее социалистической природе. Это заблуждение мешает полностью и определенно порвать с фашизмом, поскольку препятствует принципиальной борьбе против причин, предпосылок и обстоятельств, которые привели в России, Германии и Италии к идентичным системам государства и управления. Поэтому российский миф становится идеологическим оружием контрреволюции.

Человек не может служить двум хозяевам. Тоталитарное государство этого тоже не может. Если фашизм служит капиталистическим и империалистическим интересам, он не может служить чаяниям рабочих. Если же, тем не менее, два очевидно враждебных класса выступают за одну и ту же государственную систему, что-то здесь явно не так. Либо тот, либо другой класс ошибается. Пусть никто не говорит, что дело здесь скорее в форме и потому не имеет никакого подлинного значения, что политические формы могут быть идентичными, а их содержание различным. Это самообман. С марксистом такого произойти не может; для него форма и содержание взаимосвязаны и неразрывны. Если Советское государство служит моделью для фашизма, оно должно содержать в себе структурные и функциональные элементы, общие с фашизмом. Чтобы обнаружить их, нам придется обратиться к «советской системе», как она была установлена ленинизмом — приложением большевизма к российским условиям. И если может быть установлена идентичность между большевизмом и фашизмом, то пролетариат не может в одно и то же самое время бороться с фашизмом и защищать российскую «советскую систему». Наоборот, борьба с фашизмом должна начинаться с борьбы против большевизма.

2.

Большевизм был вначале для Ленина чисто российским феноменом. На протяжении многих лет своей политической деятельности он никогда не пытался превратить большевистскую систему в форму борьбы в других странах. Он был социал-демократом, который видел в Бебеле и Каутском гениальных вождей рабочего класса и знать не хотел о левом крыле германского социалистического движения, которое боролось против этих ленинских героев и иных оппортунистов. Игнорируя их, он оставался в последовательной изоляции, окруженный маленькой группой российских эмигрантов, и продолжал поддерживать Каутского даже тогда, когда германские «левые» во главе с Розой Люксембург уже вступили в открытую борьбу с каутскианством.

Ленина интересовала только Россия. Его целью было свержение царистской феодальной системы и завоевание максимального политического влияния в буржуазном обществе для его социал-демократической партии. Было ясно, что остаться у власти и продвинуть процесс социализации он сможет только в случае мировой рабочей революции. Однако его собственные действия в этой связи были пагубными. Помогая вернуть немецких рабочих в партии, профсоюзы и парламент и одновременно разрушая германское движение Советов, большевики способствовали поражению ослабевшей европейской революции.

Большевицкая партия, состоявшая из профессиональных революционеров, с одной стороны, и широких отсталых масс, с другой, осталась изолированной. Она не смогла развить настоящую систему Советов за годы гражданской войны, интервенции, экономической разрухи, провалив эксперименты по социализации и создав Красную армию. Хотя Советы, созданные меньшевиками, не вписывались в большевицкую схему, большевики пришли к власти с их помощью. Когда власть и процесс экономической реконструкции стабилизировались, большевицкая партия не знала, как ей увязать эту странную систему Советов с ее собственными решениями и действиями. Тем не менее, большевики хотели социализма, и для его осуществления был нужен мировой пролетариат.

Ленин полагал, что необходимо завоевать рабочих мира с помощью большевицких методов. Его беспокоило, что рабочие других стран, несмотря на большой триумф большевизма, не проявляли склонности принять большевицкую теорию и практику, а скорее склонялись в сторону движения Советов, которое имело место в ряде стран, особенно в Германии.

Это Советское движение Ленин уже не мог использовать в России. В других европейских странах оно проявляло явные тенденции к оппозиции против большевицкого типа восстания. Несмотря на огромную пропаганду, развернутую Москвой во многих странах, так называемые «ультралевые», как называл их Ленин, с большим успехом агитировали за революцию на основе движения Советов, чем все пропагандисты, посланные большевицкой партией. Коммунистическая партия, следовавшая за большевизмом, оставалась маленькой, истерической и шумной группой, состоявшей в большинстве своем из пролетаризированных обломков буржуазии, в то время как Советское движение усиливалось за счет реального пролетариата, привлекая лучшие элементы рабочего класса. Чтобы справиться с этой ситуацией, следовало усилить большевицкую пропаганду, атаковать «ультралевых» и разрушить их влияние в пользу большевизма.

С тех пор, как Советская система в России пала, разве можно было терпеть радикальную «конкуренцию», которая могла бы доказать миру, что то, чего не сумел сделать большевизм в России, возможно гораздо лучше сделать в других местах, независимо от большевизма? Против этих конкурентов Ленин написал

памфлет «Детская болезнь левизны в коммунизме», продиктованный страхом потерять власть и завистью к успехам еретиков. Вначале этот памфлет вышел с подзаголовком «Опыт популярного изложения марксистской стратегии и тактики», однако позднее эта слишком амбициозная и глупая декларация была снята. Это было уже немного слишком.

Эта агрессивная, грубая и пронизанная ненавистью папская булла была прекрасным материалом для любого контрреволюционера. Из всех программных деклараций большевизма она больше всего говорит о его настоящем характере. В ней большевизм предстает без маски. Исторический факт — когда в 1933 г. Гитлер запретил в Германии всю социалистическую и коммунистическую литературу, памфлет Ленина продолжал вполне легально издаваться и распространяться.

Что касается содержания памфлета, то мы не будем здесь касаться того, что в нем говорится в отношении российской революции, истории большевизма, полемики между большевизмом и другими течениями в рабочем движении или обстоятельств победы большевиков. Речь пойдет только об основных моментах, которые со времени дискуссии между Лениным и «ультралевыми» показательны для понимания огромной разницы между оппонентами.

3.

Большевицкая партия, первоначально российская социал-демократическая секция Второго Интернационала, была основана не в России, а в эмиграции. После лондонского раскола 1903 г. большевицкое крыло российской социал-демократии было не более чем маленькой сектой. Стоявшие за ней «массы» существовали только в воображении ее лидеров. Однако этот маленький авангард был строжайше дисциплинированной организацией, всегда готовой к активной борьбе и поддерживающей целостность с помощью последовательных чисток. Партия понималась как военное училище профессиональных революционеров. Ее неотъемлемыми педагогическими инструментами были непререкаемый авторитет лидера, строгий централизм, железная дисциплина, приспособленчество, воинственность и принесение личности в жертву партийным интересам. То, что создавал Ленин, было элитой интеллектуалов, центром, которому надлежало в ходе революции захватить руководство и власть. Бесполезно пытаться логически или абстрактно определить, правилен ли такой вид подготовки к революции, или нет. Эту проблему следует решать диалектически. Все дело в том, о какой революции идет речь. Каковы цели этой революции?

Партия Ленина действовала в рамках запоздавшей буржуазной революции в России, цель которой заключалась в свержении феодального режима царизма. Чем более централизованной будет воля правящей партии в такой революции,

чем сильнее единомыслие, тем с большим успехом пойдет процесс формирования буржуазного государства и тем более перспективным окажется положение пролетарского класса в рамках нового государства. Но то, что может считаться удачным решением революционных проблем в буржуазной революции, не может быть предложено в качестве решения для революции пролетарской. Принципиальное структурное различие между буржуазным и новым, социалистическим обществом исключает такой подход.

В соответствии с революционным методом Ленина, вожди предстают как голова масс. Пройдя собственную революционную школу, они способны понять ситуацию и руководить боевыми силами, командовать ими. Они — профессиональные революционеры, генералы большой гражданской армии. Это разделение между головой и телом, интеллектуалами и массами, официальным и личным соответствует двойственному характеру классового общества, буржуазному общественному строю. Один класс обучен управлять, другой — быть управляемым. Из этой старой классовой формулы вытекает ленинская концепция партии. Его организация есть всего лишь реакция на буржуазную реальность. Его революция объективно определяется силами, создающими социальный строй, в который вписываются эти классовые отношения, независимо от субъективных устремлений, сопровождающих этот процесс.

Тот, кто стремится к буржуазному строю, сочтет разделение на вождей и массы, на авангард и рабочий класс правильной стратегией подготовки к революции. Чем более умным, обученным и превосходящим является руководство и чем более дисциплинированы и покорны массы, тем больше шансов на успех такой революции. Рассчитывая на буржуазную революцию в России, партия Ленина была наиболее приспособлена к этой цели.

Когда, однако, российская революция изменила свой характер, когда ее пролетарские черты все больше стали выходить на передний план, тактические и стратегические методы Ленина утратили свою ценность. Если большевики добились успеха, то не как авангард, а благодаря движению Советов, которое им не удалось полностью интегрировать в свои планы. И когда Ленин после успеха революции, совершенной Советами, рассеял это движение, вместе с ним исчезло все то, что было пролетарским в российской революции. Буржуазный характер революции выступил на первый план и нашел свое естественное завершение в сталинизме.

Несмотря на свою любовь к марксовой диалектике, Ленин был не в состоянии рассматривать социально-исторический процесс диалектически. Его мышление оставалось механистичным, подчиненным строгим правилам. Для него существовала только одна революционная партия — его собственная, только одна революция — российская, только один метод — большевистский. И то, что работало в России, должно работать также в Германии, Франции, Америке, Китае и Австралии. То, что было верно для буржуазной революции в России, должно быть правильным и для мировой пролетарской револю-

ции. Монотонное приложение единожды открытой формулы вращалось в эгоцентрическом круге, невзирая на время и обстоятельства, уровень развития, культурные стандарты, идеи и людей. В Ленине с большой ясностью проявилось господство машинного века в политике; он был «техником», «изобретателем» революции, представителем всемогущей руководящей воли. Все фундаментальные характерные черты фашизма присутствовали в его доктрине, стратегии, его социальном «планировании» и его способе обращаться с людьми. Он не мог увидеть глубокий революционный смысл того, что левые отказались от традиционной партийной политики. Он не мог понять реально-го значения советского движения для социалистической ориентации общества. Он никогда не научился понимать предпосылки освобождения трудящихся. Авторитет, руководство, сила, на одной стороне, и организация, кадры, подчинение, на другой, — таков был ход его мыслей. Дисциплина и диктатура — эти слова наиболее часто встречаются в его писаниях. Вот почему он не мог ни понять, ни оценить идеи и действия «ультралевых», которые не принимали его стратегию и требовали того, что более всего необходимо и обязательно для революционной борьбы за социализм — то, что только сами рабочие держат свою судьбу в своих собственных руках.

4.

Взять свою судьбу в свои собственные руки — этот ключ ко всем вопросам социализма был действительным содержанием всей полемики между ультралевыми и большевиками. Разногласия по вопросу о партии шли параллельно с разногласиями по вопросу о профсоюзах. Ультралевые придерживались мнения, что революционерам теперь не место в профсоюзах, что им следует создавать свои собственные организационные формы на предприятиях, на рабочих местах. Однако, благодаря своему незаслуженному авторитету, большевики смогли уже в первые недели германской революции вернуть рабочих в реакционные капиталистические профсоюзы. Чтобы разбить ультралевых и представить их в виде тупиц и контрреволюционеров, Ленин снова прибег в своем памфлете к механистическим формулам. Выдвигая аргументы против позиции левых, он ссылался не на германские профсоюзы, а на профсоюзный опыт большевиков в России. То, что профсоюзы на заре своего существования имели большое значение для классовой борьбы пролетариата, — это общепризнанный факт. Профсоюзы в России были молоды, и это оправдывало энтузиазм Ленина. Однако в других частях мира положение было иным. Полезные и прогрессивные вначале, профсоюзы в старых капиталистических странах превратились в преграду на пути освобождения рабочих. Они стали инструментом контрреволюции, и германские левые сделали вывод из этого изменения ситуации.

Ленину не помогло признание, что со временем профсоюзы превратились в защитников «профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной рабочей аристократии». Эта коррумпированная гильдия, это гангстерское руководство сегодня управляет мировым профсоюзным движением и живет за счет рабочих. Именно об этом профсоюзном движении говорили ультралевые, призывая рабочих выйти из него. Ленин однако давал демагогический ответ, ссылаясь на молодое профсоюзное движение в России, которое еще не приобрело характера профсоюзов, давно утвердившихся в иных странах. Опираясь на специфический опыт в конкретное время и в особых обстоятельствах, он счел возможным сделать из него выводы во всемирном масштабе. Революционер, утверждал он, всегда должен быть там, где массы. Но где же на самом деле массы? В офисах профсоюзов? На членских собраниях? На секретных встречах лидеров с представителями капиталистов? Нет, массы находятся на предприятиях, на своих рабочих местах, и именно там необходимо укреплять сотрудничество и солидарность между людьми. Фабричная организация, система Советов — такова настоящая организация революции, которая должна заменить все партии и профсоюзы.

В фабричной организации нет места для профессионального руководства, нет разделения на вождей и ведомых, мыслителями и рядовыми членами, нет основы для эгоизма, конкуренции, деморализации, коррупции, стерильности и филистерства. Здесь рабочие должны брать свою судьбу в собственные руки.

Но Ленин думал иначе. Он призывал сохранить профсоюзы, изменить их изнутри, сместить социал-демократических чиновников и заменить их большевистскими, заменить плохую бюрократию на хорошую. Плохое сосредоточено только в социал-демократии, хорошее — в большевизме.

Двадцатилетний опыт продемонстрировал весь идиотизм этой теории. Следуя указаниям Ленина, коммунисты в разных странах испробовали все мыслимые способы реформирования профсоюзов. Результат оказался нулевым. Попытки создать собственные профсоюзы также закончились ничем. Конкуренция между социал-демократической и большевистской профсоюзной работой была соревнованием в коррумпированности. Это был в действительности процесс удушения революционной энергии рабочих. Вместо того, чтобы сосредоточить силы на борьбе с фашизмом, рабочие были втянуты в бессмысленные и безрезультатные эксперименты в интересах различных бюрократий. Массы утратили веру в себя и в «свои» организации. Они чувствовали себя обманутыми и преданными. Методы фашизма — диктовать рабочим каждый их шаг, препятствовать развертыванию их собственной инициативы, саботировать всякие начала классового сознания, деморализовывать массы с помощью бесчисленных поражений и обращение их в бессилие — все эти методы были уже опробованы за 20 лет работы в профсоюзах в соответствии с большевистскими принципами. Победа фашизма оказалась столь легкой только благодаря

тому, что рабочие вожди в профсоюзах и партиях подготовили людей, для использования в фашистских целях.

5.

В вопросе о парламентаризме Ленин также оказался в роли защитника прогнившего политического института, ставшего помехой на пути дальнейшего политического развития и угрозой для пролетарского освобождения. Ультралевые вели борьбу с парламентаризмом во всех его формах. Они отказывались участвовать в выборах и не соблюдали решения парламентов. Ленин же уделял большое внимание парламентской деятельности и придавал ей большое значение. Ультралевые заявляли, что парламентаризм как трибуна для агитации исторически отошел в прошлое и видели в нем не более чем постоянный источник политического коррумпирования как парламентариев, так и рабочих. Он отупляет революционное сознание и последовательность масс, порождая иллюзии о возможности законных реформ, а в критической ситуации парламент превращается в орудие контрреволюции. Его следует разрушить, а если это пока невозможно — саботировать. Следует бороться с ролью парламентской традиции в пролетарском сознании.

Чтобы достичь обратного эффекта, Ленин предпринял трюк с разделением между институтами, изжившими себя исторически и политически. Конечно, заявлял он, парламентаризм исторически устарел, но политически — нет, и с ним следует считаться. В нем надо участвовать, поскольку он играет политическую роль.

Что за аргумент! Капитализм тоже изжил себя исторически, но не политически. По логике Ленина, следовательно, бороться с капитализмом по-революционному невозможно. Скорее, следует искать компромиссы. Оппортунизм, сделки, политическое барышничество — таковы последствия тактики Ленина. Монархия тоже изжила себя исторически, но не политически. По Ленину получается, что рабочие не имеют права свергнуть ее, а обязаны искать компромиссное решение. То же самое относится к церкви, также устаревшей исторически, но не политически. В конце концов, к церквям также принадлежат массы людей. Ведь, как подчеркивает Ленин, революционер должен быть там, где массы! Следовательно, он обязан призвать: «Пойдем в церковь, это наш революционный долг!». Наконец, существует фашизм. Однажды фашизм тоже окажется исторически изжившим себя, но политически еще будет существовать. Что же надо будет делать? Признать этот факт и заключить компромисс с фашизмом. В соответствии с логикой Ленина, пакт между Сталиным и Гитлером стал бы свидетельством того факта, что Сталин сегодня — лучший ученик Ленина. И будет не удивительно, если в ближайшем будущем большевистские агенты станут приветствовать пакт между Москвой и Берлином как единственную подлинно революционную тактику.

Позиция Ленина по вопросу о парламентаризме служит всего лишь иллюстрацией его неспособности понять основные задачи и характерные черты пролетарской революции. Его революция целиком буржуазна; это борьба за большинство, за правительственные позиции, за овладение машиной законодательства. Он помышлял в действительности о важности приобретения как можно большего числа голосов в избирательных кампаниях, о создании крепкой большевистской фракции в парламентах, о помощи в определении формы и содержания законодательства, об участии в политическом управлении. Он не обращал внимания на то, что весь парламентаризм сегодня — это блеф, что реальная власть в буржуазном обществе сосредоточена совершенно в других местах, что, невзирая на любые возможные парламентские поражения буржуазия сохранила бы в своих руках достаточно средств, чтобы осуществить свою волю и интересы вне рамок парламента. Ленин не замечает деморализующего воздействия парламентаризма на массы, он не придает значения тому, что парламентское коррумпирование отравляет общественную мораль. Подкупленные, продажные и трусливые, парламентские политики боятся только за свой карман. Так было в предфашистской Германии, когда реакционеры в парламенте были готовы принять любой закон, лишь бы избежать роспуска парламента. Для парламентского политика нет ничего страшнее, чем это, означающее для него конец его легким доходам. Чтобы избежать такого конца, он готов сказать «да» чему угодно. А как обстоит дело в сегодняшних Германии, России, Италии? Парламентские рабы лишены мнения, воли, они — не более чем добровольные рабы своих фашистских хозяев.

То, что парламентаризм является полностью дегенеративным и коррумпированным, — не подлежит сомнению. Почему же пролетариату не покончить с деградацией политического инструмента, который он когда-то использовал в своих целях? Ликвидация парламентаризма героическим революционным актом была бы куда полезнее и плодотворнее для роста пролетарского сознания, чем тот отвратительный театр, в котором парламентаризм находит свой конец в фашистском обществе. Но такой подход был совершенно чужд Ленину, как сегодня он чужд Сталину. Ленина не интересовала свобода рабочих от духовного и физического рабства, его не беспокоили ложное сознание в массах и их человеческое само-отчуждение. Вся проблема для него сводилась только к проблеме власти. Как буржуа, он мыслил в категориях прибыли или убытка, увеличения или уменьшения, кредита и дебета, и все его похожие на бизнес расчеты имели дело только с внешними вещами: числом членов, количеством голосов, мест в парламенте, властными позициями. Его материализм — это буржуазный материализм, имеющий дело с механизмами, но не с человеческими существами. Он неспособен в реальности мыслить в общественно-исторических категориях. Парламент для него — это парламент, абстрактная концепция в вакууме, имеющая одно и то же значение для всех наций и во все времена. Конечно, он признает, что парламент проходит через

различные стадии, и он отмечает это в дискуссии, но он не учитывает собственное признание в своей теории и практике. В своей про-парламентской полемике он, когда не остается аргументов, прячется за раннекапиталистические парламенты на восходящей стадии капитализма. А если он и критикует старые парламенты, то только с позиции преимущества молодого над давно устаревшим. Короче, политика для него — это искусство возможного. Тогда как для рабочего политика — это искусство революции.

6.

Остается разобрать ленинскую позицию по вопросу о компромиссах. В период мировой войны германская социал-демократия продавалась буржуазии. Тем не менее, в основном вопреки собственной воле, она унаследовала германскую революцию. Это стало возможным, в значительной мере, благодаря помощи России, которая внесла свой вклад в убиение германского движения Советов. Власть попала в руки социал-демократии, но та не смогла ее использовать. Она просто продолжила свою старую политику классового сотрудничества, довольствуясь тем, что разделила с буржуазией власть над рабочими в период реконструкции капитализма. Радикальные рабочие Германии ответили на это предательство лозунгом: «Никаких компромиссов с контрреволюцией!». Это была конкретная, особая ситуация, требовавшая четкого решения. Ленин, неспособный понять реальное содержание происходившего, сделал из этого конкретного специального вопроса всеобщую проблему. По-генеральски безапелляционно и с непогрешимостью кардинала он попытался убедить ультралевых в том, что компромиссы с политическими оппонентами при всех условиях — революционный долг. Когда читаешь сегодня эти пассажи о компромиссах в памфлете Ленина, приходит на ум сравнение ленинских замечаний 1920 г. с нынешней сталинской политикой компромиссов. Нет ни одного смертного греха, с точки зрения большевистской теории, который при Ленине не стал бы большевистской реальностью.

По Ленину, ультралевые должны были согласиться с подписанием Версальского мира. Однако коммунистическая партия, также в согласии с Лениным, заключила компромисс и протестовала против Версальского договора и сотрудничала с гитлеровцами. «Национал-большевизм», пропагандировавшийся в Германии в 1919 г. «левым» Лауффенбергом, был, по мнению Ленина, «абсурдом, который следовало выжечь каленым железом». Однако Радек и коммунистическая партия — опять-таки в согласии с принципом Ленина — заключили компромисс с германским нацизмом, протестовали против оккупации Рурского бассейна и славили Шлагетера как национального героя. Лига Наций, по собственным словам Ленина, была «бандой капиталистических разбойников и бандитов», с которой рабочие должны были воевать не на жизнь, а на смерть. Однако Сталин — в согласии с ленинской тактикой —

заклучил компромисс с этими самыми бандитами, и СССР вступил в Лигу. Концепция «народа», по мнению Ленина, — это преступная уступка контрреволюционной идеологии мелкой буржуазии. Это не помешало ленинистам Сталину и Димитрову заключить компромисс с мелкой буржуазией, создав странное движение «Народного фронта». По Ленину, империализм — самый большой враг мирового пролетариата и против него следует мобилизовать все силы. Однако Сталин, также в соответствии с ленинским видением, весьма активно стремится к союзу с гитлеровским империализмом. Нужны ли еще примеры? Исторический опыт показывает, что все компромиссы между революцией и контрреволюцией могут служить только последней. Они ведут только к банкротству революционного движения. Любая политика компромиссов — это политика банкротства. То, что началось как простой компромисс с германской социал-демократией, нашло свое завершение в Гитлере. То, что Ленин оправдывал, как необходимый компромисс, нашло свое завершение в Сталине. Определяя революционную бескомпромиссность как «детскую болезнь левизны», Ленин страдал от старческой болезни оппортунизма, псевдокоммунизма.

7.

Охватив одним критическим взглядом картину большевизма, как она предстает в памфлете Ленина, можно выделить в качестве его основных характерных черт следующие:

1. Большевизм является националистической доктриной. Призванный изначально и по существу решать национальную проблему, он был позднее превращен в теорию и практику на международном уровне. Его националистический характер виден в его позиции по вопросу о борьбе за национальную независимость угнетенных наций.
2. Большевизм является авторитарной системой. Верхушка социальной пирамиды в нем — наиболее важный и определяющий пункт. Власть воплощается во всемогущей личности. В мифе о вожде находит свое высшее торжество идеал буржуазной личности.
3. В организационном отношении большевизм является в высшей степени централистским. Центральный комитет отвечает за всю инициативу, руководство, воспитание, команды. Как и в буржуазном государстве, руководящие члены организации играют роль буржуазии, единственная роль рабочих в том, чтобы повиноваться приказам.
4. Большевизм воплощает воинствующую политику власти. Интересуясь исключительно политической властью, он в этом не отличается от форм правления в традиционном буржуазном смысле. Даже в самой организации

нет никакого самоопределения для ее членов. Армия служит для партии великим примером организации.

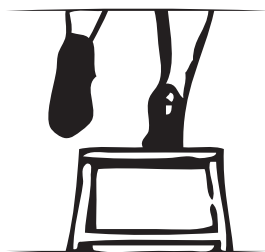
5. Большевизм — это диктатура. Действуя с помощью жестокой силы и террористических методов, он направляет все свои функции на подавление всех небольшевистских институтов и мнений. Его «диктатура пролетариата» является диктатурой бюрократии.
6. Большевизм — это механистический метод. Он стремится в качестве цели социального порядка к автоматической координации, технически обеспеченной приспособляемости и к наиболее эффективному тоталитаризму. Экономика централизованного «планирования» сознательно смешивает технико-организационные проблемы с социально-экономическими вопросами.
7. Социальная структура большевизма имеет буржуазную природу. Он не ликвидирует систему наемного труда и отказывает пролетариату в праве самостоятельного использования продуктов труда. Тем самым, он, в сущности, сохраняет классовый характер буржуазного социального строя. Капитализм увековечивается.
8. Большевизм является революционным элементом только в рамках буржуазной революции. Неспособный осуществить систему Советов, он по сути неспособен преобразовать структуру буржуазного общества и его экономику. Он устанавливает не социализм, а государственный капитализм.
9. Большевизм не служит мостом, ведущим к социалистическому обществу. Без системы Советов, без целостной радикальной революции людей и вещей невозможно осуществить наиболее существенное из всех социалистических требований — покончить с капиталистическим само-отчуждением человека. Большевизм является последней стадией буржуазного общества, а не первым шагом к новому обществу.

Эти 9 пунктов представляют непреодолимое различие между большевизмом и социализмом. Они со всей необходимой ясностью демонстрируют буржуазный характер большевистского движения и его тесную связь с фашизмом. Национализм, авторитаризм, централизм, диктатура вождя, политика власти, террористическое управление, механистическая динамика, неспособность к социализации — все эти сущностные характерные черты фашизма существовали и продолжают существовать в большевизме. Фашизм — это просто копия большевизма. По этой причине борьба против одного должна начинаться с борьбы против другого.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Отто Рюле

Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма
1939

(Опубликовано в журнале Living Marxism, vol.4, #8, 1939.)

Сохранено 27 января 2012г. из revsoc.org